

**Социально-психологическая адаптация русских к среде обитания
(по материалам Архангельского Севера)¹**

© 2016 Фролова Александра Викторовна*,

*кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела русского народа Института этнологии и антропологии РАН (г. Москва, Россия),

alexnauka@rambler.ru

Аннотация: В статье на основе полевых, архивных и публицистических материалов, собранных автором в деревнях Архангельской области, рассматривается процесс социопсихологической адаптации русских к среде обитания. Для написания статьи были использованы полевые этнографические материалы, собранные автором в деревнях Холмогорского, Кенозерского, Пинежского, Мезенского, Лешуконского районов Архангельской обл. в 2003–2009 гг., также привлекались архивные документы Государственного архива Архангельской области (ГААО), архива Российского этнографического музея (АРЭМ), опубликованные материалы местных и периодических изданий.

Ключевые слова: Русский Север, полевые материалы, адаптация, фольклор, локальная специфика.

**Socio-psychological adaptation of Russians to the environment
(On the materials of the Arkhangelsk North)**

© 2016 Frolova Alexandra Viktorovna*,

* Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of the Russian people Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow,

Russia), alexnauka@rambler.ru

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ №15-06-05583 «Естественно-научные методы в изучении инвалидности»

Annotation: On the basis of archival and journalistic material collected by the author in the villages of the Arkhangelsk region, the process of socio-psychological adaptation of Russians to the environment is studied. Ethnographic materials were collected by the author in the villages Kholmogorsky, Kenozero, Pinega, Mezen, Leshukonsky areas of the Arkhangelsk region in 2003-2009., also the archival documents of the State archive of the Arkhangelsk region (GAAO) were involved, an archive of the Russian Ethnographic Museum (Arem), published materials and local periodicals.

Keywords: Russian North, field materials, adaptation, folklore, local specificity.

Архангельский Север – уникальная историко-культурная зона Европейского (Русского) Севера. В настоящее время эта территория практически соответствует современной Архангельской области. Архангельский Север – условное административно-географическое название, принятое в литературе из-за частого изменения границ при переделах губерний, а затем при преобразовании их в области. Это всегда был моноэтнический регион – 94 % русских. Необычайная «живучесть» традиционной культуры в этих местах, ее оригинальность поражает и продолжает быть объектом исследования и в наши дни. В статье рассматриваются аспекты процесса социопсихологической адаптации севернорусского населения к среде обитания.

Освоение Русского Севера с первых этапов шло при тесном взаимодействии славян и местных финно-угорских народов, что способствовало взаимовлиянию и взаимообогащению их материальной и духовной народной культуры. На этой обширной территории, объединенной в первую очередь историческим и социально-экономическим развитием в течение длительного времени, сложился своеобразный комплекс народной культуры. Огромное значение в этом процессе играло севернорусское население – люди, взаимодействующие, создающие культуру, являющиеся носителями присущих только им культурных традиций.

Культура, часто называемая поморской, созданная на краю ойкумены, границе с миром полярного инобытия – эта культура аскезы, отказа, предельного упрощения и доведения идеала простоты до своего абсолютного этического, эстетического, религиозного и социального императива. [Теребихин, 2014, с. 45].

Освоение новых территорий рассматривалось переселенцами в первую очередь как духовный акт, затем уже как хозяйственный. Оказываясь в чужом пространстве, заселенном враждебным, «поганым» народом, русский человек начинал с того, что освещал место, возводя в нем святыню, защищающую не только от аборигенов края, но и от необъяснимых, злокозненных природных явлений, а также духов – леших, водяных.

По мере расширения жизненной ойкумены росла сеть подобных святых мест. Со временем она сложилась в своеобразную иерархическую систему, в которой культурные и природные сакральные объекты выполняли различные религиозно-обрядовые функции и имели разные ареалы почитания.

По своей силе поднимаясь от природных объектов роц, деревьев, камней, озер, источников, ручьев к культурным – крестам, часовням, церквям и монастырям. В околке (пространство вокруг деревни, разные ее концы) святое место обычно представлялось обетным (ответным) крестом, в деревне часовней (Рис1, 2) или крестом, в кусте деревень – приходской церковью, завершалась, как правило, в бассейне реки – монастырем [Иванова, Калущков, 2008, с.72–73].

Рис. 1. Часовня св. Власия на

Рис. 2. Вид на часовню Николая

о. Медвежий, Кенозерский
национальный парк
(фото А.В. Фроловой, 2007)

Чудотворца д. Вершинино
Кенозерский национальный парк
(фото А.В. Фроловой, 2007)

Подобная многоуровневая структура и явилась итогом векового освоения края, вобрав в себя его основные специфические черты: удаленность, недоступность, конфессиональная ситуация. Все это во многом и объясняет большое распространение на Русском Севере обетных крестов (Рис. 3), обетных праздников, практически вытеснившее собой ранее существовавшие ритуальные формы контакта со святым местом. Если крестные ходы и молебны предполагают регулярность и календарную упорядоченность посещения святынь, а именно приуроченность к церковным праздникам, то обет возникал в чрезвычайных обстоятельствах, когда возникала необходимость в преодолении кризисной ситуации – неурожаи, эпидемии среди людей, эпизоотии, падеж скота [Фролова, 2014, с. 44]. И все это соответствовало скрытому характеру народной религиозности. В наши дни обетная традиция стала более повседневной, поскольку ношение обетов по крестам (Рис.3) и часовням по сути дела заменила регулярное посещение церкви.

Рис.3. Обетные кресты. Пинежский р-н. (фото А.В. Фроловой, 2003)

Лес, река, являясь основными стихиями природы русской равнины также были и границей, чертой за которой находилось сакральное пространство, обладающее сильной негативной энергией. Нужно отметить особую роль реки в жизни населения, ведь миграционные потоки новгородский и ростово-суздальский шли по рекам и деревни устраивались на берегах реки. Северяне всегда с особой теплотой относились к своим рекам, ручьям. Это же уважительное обращение отражено и в фольклоре: «дедушка водяной, царь двинской, да царь пинежской, царь и царица, вся морская сила», так обращались северяне к силе рек и вод.

Прежде чем идти в лес или к реке человеку необходимо было сначала договориться с его хозяевами (лешими, водяными и т. п.). Подобные «договорные отношения» могли принимать различные формы жертвоприношений, разнообразных заговоров и молитв. При этом обязательно использовались знаковые сакральные предметы, обладающие по народным представлениям особой силой (топор, нож, хлеб): «Плавили мы с братом лошадь за реку: сами в лодке, а она следом на веревке плыла. Плыла, плыла и вдруг пошла под воду всей головой, да и нас потянула. Брат кричит: Кидай скорее топор. А раньше с собой на реку в места, где пугает чертушко, топор брали, ножик или еще что острое – как обережь. Я в воду топор сунул – и все пропало. И лошадь выплыла, так и переехали [ПМА-1].

С помощью хлеба откупали утопленников у водяного. С приговором пускали буханку хлеба по реке, где останавливалась буханка или кружилась – там и искали. «У нас старики говорили – в деревне за год должен потонуть один человек, если в этом году не потонет, так в другом – двое, а в Пинеге – три человека за год, это черт с собой забирает – вроде как дань» [ПМА-2].

Стремясь защититься, прекратить частые случаи утопления, возводили жители деревень по берегам реки обетные кресты (Рис. 4), часовни: «Вот за рекой на щелье много тонуло народу и вот поставлен был крест и сделана часовня. Сделано это было для охранения Пинежья. Потом сбросили крест и часовню сломали и опять стал тонуть народ» [ПМА-3].

Рис. 4. Кресты по берегам р. Мезень. Мезенский р-н (фото А.В. Фроловой, 2005)

Многовековой опыт населения, живущих в экстремальных природных условиях отразился и в пространственной организации северных деревень. В пойме реки традиционно возводили бани, на склонах возводились овины, гумна, затем амбары и потом уже за заполями шли порядки домов. В старых деревнях нет привычных для центральных и южных районов России улиц: дома стоят окнами к солнцу или к реке и поэтому фасады второго порядка домов упираются в повети и взвозы первого.

В направлении от реки к лесу порядки жилых домов снова сменяются линиями амбаров, примыкающих к лесу. Составной частью деревенской застройки были и промысловые избушки, вынесенные далеко в лес, в места рыбных, охотничьих и сенных угодий. Их имел и сейчас имеет каждый рачительный хозяин.

Многовековой опыт населения, живущего в экстремальных природных условиях, отразился и в общем высоком уровне бытования магии. Определенным знанием магических приемов обладали практически все взрослые жители северных деревень. В ряде бытовых ситуаций, в случае мелких неприятностей и повседневных нужд каждый мог сам справиться, чтобы остановить кровь, выгнать скот на пастбище в определенный нужный день, подлечить скотину и птицу, вылечить детскую бессонницу, найти

потерянную вещь или дорогу из леса и т. п. Знаменитый уроженец Пинежья Ф.А. Абрамов писал о северных лесах в своем произведении «Братья и сестры»: «От леса кормились, лесом обогревались, но лес же был и первый враг». В лес шли вооруженные необходимыми молитвами, действиями, а то, что касалось лесных избушек каждый должен был знать как «Отче наш». Если человек не правильно вел себя в лесу, в избушке – расплата следовала незамедлительно.

По народному поверью при входе в лес нужно было попросить: «Тайга-матушка, лесной царь-батюшка, гостей принимай, ягодами, грибами угощай, от бед оберегай, домой дорожку указывай. Не попросишься, лешак так заведё, что и домой не воротишься». [Иванова Калущков, 2008, с.19] Даже простое упоминание имени лешего могло обернуться бедой, поэтому местные жители предпочитают матюгаться, а не лешакаться. Знающие люди использовали обереги от лешего – опять острые железные предметы – топор, нож. Если в лесу человек чувствовал, что его водит кругами, т. е. он ходит по одному и тому же месту, то он переодевал свою одежду задом наперед.

Многие из пинежан, мезенцев обязательно расскажут историю о ночных незваных гостях в лесной избушке, случившуюся с ними, их родственниками или односельчанами: «Отец мой пришел в охотничью избушку, лег отдыхать, и как закон в лесу – надо топор воткнуть в порог, чтобы леший не заходил. Вроде уснул он, и слышит, стучит-то кто... Открыл дверь, а там стоят два мужика высоких метра три. Он и спрашивает: Кто такие? А они говорят: Мы – хозяева леса! Отец-то понял – лешаки-то.... Ну, он им и говорит – заходите! А они в ответ: Не-е, мы не можем, –а это им топор отцовский мешает. Тут ветер зашумел и они исчезли. Тогда только отец понял, что как в избушку заходил, не попросился у хозяина. У нас ведь как говорят: каждый кустик ночевать пустит, только попросись» [ПМА-4].

Особую роль на Русском Севере играл пастух. Он обязан был знать заговоры-отпуска и молитвы, крестьяне особенно обращали на это внимание. Не случайно во многих северных районах к пастухам часто относились как к колдунам и наделяли их определенной сверхъестественной силой. Необходимо

отметить большое распространение и известность колдунов на Архангельском Севере, особенно в Мезенье, Пинежье, именно они в первую очередь славились своими способностями искать пропавший скот, «исправлять» – лечить домашних животных.

К выбору пастуха подходили очень строго, внимательно следили за соблюдением им обрядов. На Архангельском Севере животноводство – важнейшее занятие, чаще даже более первоочередное, чем земледелие. В отличие от среднерусских районов, пасти стадо приходилось не на лугах, а на небольших полянах, далеко от деревни (община берегла сенокосные луга), где возрастала опасность исчезновения животных и нападения на стадо диких зверей. Конечно же, знание пастухом заговоров-отпусков и других магических обрядовых действий, по мнению севернорусских крестьян, должно было обеспечить безопасность стада. Кроме того, часто считалось, что пастух связан с лесовиком (лешим) и может с ним договориться о сохранности и благополучии животных.

Заключение

В процессе социопсихологической адаптации к среде обитания сформировался определенный тип мировоззрения северян, способных к самостоятельности, активности, в то же время не склонных к антагонистическим противопоставлениям в чем бы то ни было, поддерживающих, часто бессознательно, традиции и устои. Этой территории не коснулись разрушения, связанные с монголо-татарским игом, не было здесь и крепостных крестьян, вообще Архангельский Север на протяжении столетий, начиная с XII в. представлял собой своеобразную «свободную экономическую зону», что способствовало росту предпринимательства, активизации внутренней и внешней торговли. Здесь не так тяжело, как в Средней и Южной России отозвались события многочисленных войн, в том числе 1812 г., Первой мировой (1914-1918) и Великой Отечественной (1941–1945). Среди прочих факторов это способствовало сохранению историко-культурного и фольклорного наследия края.

Источники и принятые сокращения:

ПМА-1. Полевые материалы автора. Информатор С.С. Мельников, 1923 г. р. Экспедиция в д. Ваймуша (Карпогорский с/с., Пинежский р-н, Архангельская обл.), 2003 г.

ПМА-2. Полевые материалы автора. Информатор Е.С. Лыцев, 1929 г. р. Экспедиция в д. Ваймуша (Карпогорский с/с., Пинежский р-н, Архангельская обл.), 2003 г.

ПМА-3. Полевые материалы автора. Информатор М.А. Суховеров 1931 г. р. Экспедиция в д. Шотова (Пинежский р-н, Архангельская обл.), 2004 г.

ПМА-4. Полевые материалы автора. Информатор Е. М. Макурина 1924 г. р. Экспедиция в с. Дорогорское (Мезенский р-н, Архангельская обл.), 2005 г.

Литература:

1. Иванова А.А., Калуцков В.Н. Светлое Пинежье: путешествие по краю./ А.А. Иванова, В.Н. Калуцков. – Архангельск-Карпогоры, 2008. – 168 с.

2. Теребихин Н.М. Метафизика Севера / Н.М. Теребихин. – Архангельск, 2004. – 272 с.

3. Фролова А.В. Возрождение традиционных праздников Архангельского Севера / А.В. Фролова // Вестник антропологии. – М., 2014. – № 1(27). – С. 42–53.

References:

1. Ivanova A.A., Kalutskov V.N. Svetloe Pinezhe: puteshestvie po krayu./ A.A. Ivanova, V.N. Kalutskov. – Arhangelsk-Karpogoryi, 2008. – 168 s.

2. Terebihin N.M. Metafizika Severa / N.M. Terebihin. – Arhangelsk, 2004. – 272 s.

3. Frolova A.V. Vozrozhdenie traditsionnyih prazdnikov Arhangelskogo Severa / A.V. Frolova // Vestnik antropologii. – M., 2014. – # 1(27). – S. 42–53.